

Твоя Дичушата

P.D.M. Павлу

Р. Д. Паласио

Глава Джулиана

«Розовый жираф»

2014

УДК 821.111(73)-93
ББК 84(7Coe)-44

Паласио Р. Д.

Глава Джулиана / Р. Д. Паласио — «Розовый жираф», 2014

ISBN 978-5-4370-0249-0

История Августа Пулмана, рассказанная Р. Дж. Паласио в «Чуде», была бы не полной без голоса еще одного участника – Джулиана Албанса. Того самого Джулиана, который больше всех смеялся над Ави, ненавидел его и... боялся, как оказалось. Страх, скрытый или явный, часто руководит теми, кто начинает травлю. Страх потерять популярность, страх оказаться хуже других, страх перед тем, что незнакомо или непонятно. Только посмотрев в лицо своему страху, можно выпутаться из сложной ситуации – будь ты жертвой, преследователем или наблюдателем.

УДК 821.111(73)-93

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-4370-0249-0

© Паласио Р. Д., 2014

© Розовый жираф, 2014

Содержание

До	6
Обыкновенный	6
Звонок	7
Мистер Попкинс	9
Первый взгляд	11
Ужас	12
Фотография класса	14
«Фотошоп»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Р. Дж. Паласио

Глава Джулиана

The Julian Chapter

R. J. Palacio

The Julian Chapter copyright c 2014 by R. J. Palacio

Jacket art copyright c 2014 by Tad Carpenter

© А. Красникова, перевод на русский язык, 2018

© В. Павликов, адаптация обложки и леттеринг, 2018

© ООО «Издательство» Розовый жираф», издание на русском языке, 2013, 2017, 2019

* * *

*Будьте добрыми, ведь все, кого вы встречаете, участвуют в
тяжелом сражении.*

Ян Макларен

До

*Возможно, звезды, и солнце, и этот огромный дом созданы мной,
но я не уверен в этом.*

Хорхе Луис Борхес. «Дом Астерия»¹

Обыкновенный

Ну ладно, ладно.

Да знаю я, знаю.

Я плохо вел себя с Августом Пулманом!

Ну и что с того? Народ, это вообще-то не конец света! Давайте без истерик, а? У нас тут большой такой мир, и в нем не то чтобы все друг с другом возятся. Так уж устроено. Поэтому, может, вы наконец успокоитесь? Хорошо заикливаться на одном и том же, пора заняться своими делами.

Да сколько можно!

Я не понимаю. Нет, правда не понимаю. Только что я был самым крутым пятиклассником. И вдруг раз – и теперь я... ну, не знаю. Да не суть. Но какая жесь! Весь этот год – сплошная жесь! Начать с того, что я хотел бы, чтобы Ави Пулман никогда не появлялся бы в школе Бичера! Чтоб он прятал свою мерзкую физиономию, ну как в «Призраке оперы». Надень маску, Ави, будь любезен! Чтоб глаза мои тебя не видели! Насколько все было бы проще, если бы ты просто исчез.

По крайней мере, проще для меня. Я, кстати, и не говорю, что он живет себе припеваючи. Ему наверняка нелегко каждый день видеть себя в зеркале или ходить по улице. Но это не моя проблема. А моя проблема в том, что с тех пор, как он появился в мою школу, все изменилось. Изменились мои одноклассники. Изменился я. И это полный отстой.

Я бы хотел, чтобы все было так, как в четвертом классе. Нам тогда было очень, очень, очень клево. Мы тогда играли во дворе в салки, и не хочу хвастаться, но все всегда гонялись за мной, понимаете? Это я так, к слову говорю. Я просто хочу сказать, что, когда мы делали совместные задания по истории или географии, все хотели быть со мной в паре. И все всегда смеялись, когда я шутил.

За обедом я всегда сидел со своими друзьями, и компания у нас была что надо. Мы были абсолютно *что надо*. Генри. Майлз. Амос. Джек. Компашка что надо! Просто отличная. У нас были свои секретные шутки. Свой тайный язык жестов.

Я не знаю, почему все изменилось. Не знаю, почему все превратились в таких идиотов.

Хотя на самом деле *знаю*: из-за Ави Пулмана. Как только он объявился, все перестало быть как раньше. До этого все было совершенно обыкновенным. А теперь всё наперекосяк. И всё из-за него.

И из-за мистера Попкинса. Если подумать, вообще-то во всем виноват мистер Попкинс.

¹ Перевод В. Кулагиной-Ярцевой.

Звонок

Помню, как из звонка мистера Попкинса мама раздула целую историю. В тот вечер за ужином она только и говорила о том, какая это честь. Директор средней школы позвонил нам домой, чтобы спросить, могу ли я быть «школьным крестным» какому-то новенькому в школе. Вот это да! Событие века! Маму послушать, так я «Оскар» выиграл, не меньше. Теперь-то стало ясно, говорила она, что в школе действительно умеют распознавать особо одаренных детей, и это, на ее взгляд, потрясающе. Мама не была лично знакома с мистером Попкинсом, я ведь раньше ходил в младшую школу, а он управлял средней, но она всё восхищалась, как любезно он с ней беседовал по телефону.

Мама – большой человек в моей школе. Она в совете попечителей – я не очень-то понимаю, что это, но, очевидно, что-то мегаважное. И она всегда вызывается добровольцем. Например, она состояла в родительском комитете все годы, что я учился в младших классах. Всегда. Она очень много делает для школы.

И вот в тот день, когда я должен был поработать «школьным крестным», мама подвезла меня до ворот. Она бы и до кабинета директора меня проводила, но я ее остановил: «Мам, это же средняя школа!» Намек она поняла и уехала еще до того, как я вошел внутрь.

В холле уже ждали Шарлотта Коуди и Джек Тот. Мы с Джеком пожали руки – нашим секретным способом, – а потом мы все поздоровались с вахтером и пошли в кабинет мистера Попкинса. В школе так странно, когда там никого нет!

– Чувак, мы бы сейчас могли себе спокойно на скейте кататься, и никто не заметил бы! – сказал я Джеку. Я разбежался и заскользил по гладкому полу в коридоре: вахтер же нас больше не видел.

– Ха, точно! – усмехнулся Джек, но я заметил, что чем ближе мы подходили к кабинету мистера Попкинса, тем больше он сжимался. Похоже было, что его вот-вот вырвет.

За несколько ступенек до конца лестницы он замер.

– Не хочу! – выпалил он.

Я остановился рядом. Шарлотта уже добралась до верхней площадки.

– Ну же! – торопила она.

– Ты тут не главная! – сказал я.

Она покачала головой и закатила глаза. Я рассмеялся и ткнул Джека локтем. Нам нравилось подтрунивать над Шарлоттой Коуди. Она всегда была такой правильной!

Джек закрыл лицо руками.

– Ну мы и влипли.

– Да что такое-то? – не понимал я.

– Ты хоть знаешь, кто этот новенький?

Я помотал головой.

– Ну ты-то ведь знаешь, правда? – Джек посмотрел на Шарлотту.

Шарлотта спустилась к нам.

– Думаю, да. – И она скривилась так, будто лимон проглотила.

Джек покачал головой, а потом три раза влепил себе по лбу.

– Какой же я дурак! Зачем я согласился! – процедил он сквозь зубы.

– погоди, а кто это? – Я толкнул Джека в плечо, и он наконец поднял на меня глаза.

– Его зовут Август, – ответил он. – Ну, знаешь, парень с лицом?

Я понятия не имел, о ком это он.

– Ты серьезно? – удивился Джек. – Раньше никогда его не встречал? Он же живет в нашем районе. Иногда появляется на детской площадке. Ты не мог его не видеть. Все его видели!

– Он живет не в нашем районе, – поправила Шарлотта.

– Да нет же, в нашем! – рассердился Джек.

– *Джулиан* живет не в нашем районе. – Шарлотта теперь тоже злилась.

– При чем тут вообще район? – спросил я.

– Да неважно! – перебил Джек. – Какая разница. Поверь мне, чувак, ты никогда не видел ничего подобного.

– Пожалуйста, не говори гадостей, Джек, – сказала Шарлотта. – Это невежливо.

– Это не гадости! – выкрикнул Джек. – Это просто правда.

– А как именно он выглядит? – спросил я.

Джек молчал. Просто стоял и качал головой. Я поглядел на Шарлотту, она хмурилась.

– Увидишь, – ответила она. – Давайте уже пойдем, хорошо? – Она повернулась, поднялась по лестнице и направилась по коридору в кабинет мистера Попкинса.

– Давайте уже пойдем, хорошо? – сказал я Джеку, точь-в-точь как Шарлотта. Я был уверен, что это его рассмешит, но тот даже не улыбнулся. – Джек, чувак, ну ты чего!

Я притворился, что с размаху даю ему пощечину. Вот это его немного развеселило, и он сделал вид, что бьет меня кулаком – как в замедленной съемке. И мы начали «игру в селезенку» – это когда каждый пытается ударить другого между ребер.

– Мальчики, поторапливайтесь! – скомандовала Шарлотта с верхней ступеньки. Она вернулась за нами.

– Мальчики, поторапливайтесь! – прошептал я Джеку, и он наконец усмехнулся.

Но как только мы завернули за угол коридора и приблизились к кабинету мистера Попкинса, все стали очень серьезными.

Когда мы вошли внутрь, миссис Диас сказала нам подождать в кабинете медсестры Молли, комнатке рядом с кабинетом мистера Попкинса. Мы там сидели молча и совсем ничего друг другу не говорили. Мне очень хотелось надуть шарик из резиновых перчаток, которые лежали в коробке рядом со столиком для анализов, но я не поддался искушению, хоть и знал, что это всех рассмешит.

Мистер Попкинс

Вошел мистер Попкинс. Высокий, худощавый, с растрепанными седыми волосами. Он улыбался.

– Привет, ребята, я мистер Попкинс. Ты, должно быть, Шарлотта. – Он пожал Шарлотте руку. – А ты?.. – Он посмотрел на меня.

– Джулиан.

– Джулиан, – повторил он с улыбкой. Пожал руку и мне. – А ты Джек Тот! – Он пожал руку Джеку.

Он уселся на стул у стола медсестры Молли.

– Прежде всего, я просто хочу сказать вам большое спасибо, что вы сегодня сюда пришли. На улице жара, и наверняка у вас были другие планы. Как, кстати, прошло ваше лето? Хорошо отдохнули?

Мы все закивали, переглядываясь.

– А ваше лето как прошло? – спросил я.

– О, так мило с твоей стороны, Джулиан! – сказал он. – Лето выдалось отличным, спасибо. Хотя я уже жду не дождусь осени. Ненавижу жару. – Он потянул за край своей рубашки. – И вообще уже очень готов к зиме.

Мы качали головами, как болванчики. Не знаю, зачем взрослые вообще начинают болтать с детьми. Нам от этого только не по себе. То есть я-то вполне умею вести разговоры со взрослыми – наверное, потому что много путешествую и много с кем общаюсь, – но большинство детей действительно этого не любят. Так уж устроено. Например, если я вижу маму или папу кого-нибудь из моих друзей и мы *не* в школе, я пытаюсь не встречаться с ними глазами, чтобы мне не пришлось с ними говорить. Эти разговоры всегда такие странные. А еще очень странно, когда ты не в школе и вдруг натыкаешься на учителя. Однажды я увидел учительницу, которая была у нас в третьем классе, в ресторане с ухажером, и мне стало так противно, фу-у-у! Не хочу видеть, как учительница тусуется с парнями, это же можно понять?

Короче, вот сидим мы: я, Шарлотта и Джек – и киваем как болванчики, а мистер Попкинс все разглагольствует о лете. Но наконец – *наконец!* – переходит к делу.

– Итак, друзья, с вашей стороны и правда очень любезно отказаться от своих планов и прийти сюда. Через несколько минут у себя в кабинете я познакомлю вас с одним мальчиком, и я просто хотел немного рассказать о нем заранее. То есть я уже объяснил кое-что вашим мамам, они же поговорили с вами?

Шарлотта и Джек кивнули, а я покачал головой.

– Моя мама только сказала, что у него было много операций.

– Ну, да, – ответил мистер Попкинс. – Но она сказала и про его лицо?

Должен признаться, тут-то я и начал думать: «Какого черта я тут делаю?»

– Не знаю... – Я пытался вспомнить, что мне говорила мама. Я плохо ее слушал. Кажется, большую часть времени она повторяла, какая это огромная честь – быть избранным для такой роли, и не очень-то упирала на то, что с парнем что-то не так.

– Она сказала, что *вы* сказали, что у него много шрамов и всего такого. Как будто он обгорел в пожаре.

– Я сказал не совсем это. – Мистер Попкинс поднял брови. – Я сказал твоей маме, что у этого мальчика есть серьезные черепно-лицевые особенности...

– О, точно, да-да! – перебил я. Теперь-то я вспомнил. – Она произносила эти слова. И добавила, что это что-то вроде заячьей губы.

Мистер Попкинс вздохнул.

– Ну... – Он поднял плечи и наклонил голову направо, а потом налево. – Это чуть больше заячьей губы. – Встал и потрепал меня по плечу. – Жаль, что я не сумел как следует объяснить всё твоей маме. Как бы то ни было, я не хочу, чтобы вам было неловко. На самом деле я с вами и говорю сейчас именно потому, что не хочу, чтобы вам было неловко. Я просто хотел предупредить вас, что этот мальчик выглядит совсем не так, как остальные дети. И это не секрет. Он знает, что он выглядит не как все. Он таким родился. Он это понимает. Он отличный парень. Очень умный. Очень хороший. Раньше он никогда не ходил в обычную школу, а учился дома, понимаете, из-за всех его операций. И поэтому я просто хочу, чтобы вы помогли ему осмотреться, познакомились с ним, стали его «школьными крестными». Вы совершенно спокойно можете задавать ему вопросы, если хотите. Говорите с ним как с любым другим вашим сверстником. Он и правда просто обычный ребенок с лицом, которое... ну, не совсем обычное. – Он посмотрел на нас и глубоко вдохнул. – О господи, кажется, я вас только еще больше напугал, да?

Мы помотали головами. А мистер Попкинс потер лоб.

– Знаете, – сказал он, – одна из вещей, которые узнаешь, когда стареешь, это что время от времени ты оказываешься в новой ситуации и понятия не имеешь, что делать. И нет никакого кодекса, в котором бы говорилось, как действовать в любой данной ситуации в жизни, понимаете? Поэтому я всем всегда даю такой совет: если сбиваться с пути, то лучше на сторону добра. Вот в чем секрет. Если вы не знаете, что делать, просто будьте добрыми. И так не ошибетесь. Вот поэтому я и попросил помощи у вас троих. Я слышал от ваших учителей, что вы и вправду очень хорошие дети.

Мы не знали, что на это и ответить, поэтому просто стояли и улыбались как дурачки.

– Просто обращайтесь с ним так, как обращались бы с любым ребенком, – сказал он. – Это все, что я пытаюсь вам втолковать. Ладно, ребята?

Мы и сейчас кивнули все разом. Три болванчика.

– Вы крутые, – сказал он. – Так что расслабьтесь, подождите тут немного, а через несколько минут придет миссис Диас и приведет вас ко мне в кабинет. – Он открыл дверь. – И, ребята, правда, спасибо еще раз. У тех, кто делает добро, хорошая карма. Ну, мицва, понимаете?

Тут он улыбнулся, подмигнул нам и вышел из комнаты.

Мы все выдохнули одновременно. Поглядели друг на друга круглыми глазами.

– Так, – сказал Джек. – Я понятия не имею, что, черт возьми, значит эта карма и что, черт возьми, значит эта мицва.

Это всех нас немного рассмешило, хотя смеялись мы как-то нервно.

Первый взгляд

Не буду во всех подробностях описывать, что еще случилось в тот день. Я только хочу отметить, что в первый раз в своей жизни Джек не преувеличил. И даже наоборот. Есть слово, которое означает противоположность «преувеличил»? «Антипреувеличил»? «Мегапреуменьшил»? Не знаю, как лучше. Но Джек совершенно не преувеличивал, когда говорил о лице того парня.

После первого взгляда на Августа я захотел закрыть глаза, закричать и убежать. Тыдыщ! Я знаю, звучит мерзко, и мне жаль, что это так. Но это правда. И любой, кто станет утверждать, что это не было его первой реакцией при виде Ави Пулмана, соврет. Seriously.

Была бы моя воля, я совершенно точно выскочил бы из комнаты, когда его увидел, но я знал, что в этом случае мне влетит. Поэтому я просто продолжал смотреть на мистера Попкинса и старался слушать, что он говорил, но слышал только «бла-бла-бла-бла». У меня горели уши, а в голове стучало: «Черт! Черт! Черт! Черт! Черт! Черт! Черт! Черт! Черт! Черт!»

«Черт! Черт! Черт! Черт! Черт!»

Думаю, я произнес про себя это слово тысячу раз. Не знаю почему.

В какой-то момент мистер Попкинс познакомил нас с Ави. А-а-а! Кажется, я и в самом деле пожал ему руку. Три раза «а-а-а»! Мне хотелось слинять оттуда как можно скорее и вымыть руку. Но прежде чем я понял, что произошло, мы уже шли вместе к двери и потом по коридору и поднимались по лестнице.

«Черт! Черт! Черт! Черт! Черт! Черт! Черт! Черт!»

Когда мы подходили к нашему классу, я поймал взгляд Джека. Распахнул глаза как можно шире и беззвучно произнес: «Не может быть!»

Джек так же беззвучно ответил: «Я же говорил!»

Ужас

Помню, когда мне было лет пять, как-то вечером я смотрел «Губку Боба» по телевизору, и тут показали рекламу, которой я до смерти перепугался. Это произошло за несколько дней до Хэллоуина. Тогда вообще показывали много страшной рекламы, а эта рекламировала новый триллер для подростков, о котором я раньше и не слышал. Когда я смотрел ролик, на экране крупным планом выскочило лицо зомби. Ну, и это привело меня в абсолютный ужас. То есть в такой, когда ты и вправду выскакиваешь из комнаты, кричишь и размахиваешь руками. У-У-УЖА-А-АС!

После этого я так боялся снова увидеть лицо зомби, что перестал вообще смотреть телевизор – до тех пор, пока Хэллоуин не остался далеко позади и триллер больше не показывали в кинотеатрах. Серьезно, я совсем бросил смотреть телевизор – *вот как* я испугался!

Потом, через некоторое время, я пошел в гости к какому-то мальчику, которого я даже не помню, как зовут. Этот мальчик с ума сходил по Гарри Поттеру, вот мы и стали смотреть один из фильмов про Поттера (до того я не смотрел ни одного). Ну, когда я впервые увидел лицо Волан-де-Морта, случилось ровно то же, что и с хэллоуинской рекламой. Я начал истерически вопить, совсем как младенец. Я орал, а мама того мальчика никак не могла меня успокоить и позвонила моей, чтобы та приехала и меня забрала. Моя мама не на шутку разозлилась, что та мама разрешила нам смотреть кино про Поттера, и в конце концов они стали ругаться и – чего уж там тянуть с развязкой – я больше ни разу не был у того мальчика в гостях. Но в любом случае, между хэллоуинским зомби и воландемортовским безносым лицом мне было совсем худо.

Потом мне опять не повезло. Папа как-то повел меня в кино – мне было все еще лет пять. Может, уже шесть. Кино вроде не предвещало ничего плохого: с рейтингом «6+», все абсолютно под контролем, никаких ужасов. Но один из трейлеров, которые показывали в самом начале, был про «Страшную фею», фильм о демонах-феях. Я знаю, феечки – это курам на смех, и, когда вспоминаю тот раз, не могу поверить, что так перепугался всей этой ерунды, но меня вынесло и на этом трейлере. Папе пришлось меня вывести из зала, потому что – опять! – я все ревел и ревел и не мог остановиться. И мне к тому же было так стыдно! Сами подумайте, я боялся фей! А дальше что? Буду паниковать от мысли о летающих пони? Дрожать от вида пластмассовых пупсов? Шарахаться от снежинок? Это ненормально! Но это был я, это меня выводили из кинотеатра, а я трясся и кричал от страха и утыкался лицом в папино пальто. Уверен, что среди зрителей были и трехлетки, которые смотрели на меня как на самого большого лузера на свете!

В страхе вот что важно. Ты не можешь его контролировать. Если ты испугался, то испугался, и этого никак не отменить. И если ты испугался, все выглядит страшнее, чем обычно, – даже совсем не страшные вещи. Все, что пугает тебя, как будто слипается в один ком и становится таким одним большим кошмаром. Ты будто покрыт одеялом страха, сотканного из битого стекла, собачьей мочи, склизкого гноя и кровавых чирьев зомби.

У меня начались жуткие сны. Каждую ночь я просыпался от собственных криков. Докапывался до того, что боялся засыпать, потому что не хотел видеть очередной кошмар, и стал спать в кровати родителей. Хотел бы я сказать, что спал с ними всего пару раз, но нет, это длилось недель шесть подряд. Я не позволял им выключать свет. Каждый раз перед сном со мной случалась паническая атака. У меня потели ладони, сердце колотилось, я плакал и кричал и только потом засыпал.

Родители отвели меня к врачу «по чувствам», который, как я понял только потом, был детским психологом. Доктор Пател мне немножко помогла. Она сказала, что у меня «ночные страхи», и мы о них поговорили. Но я думаю, что по-настоящему преодолеть ночные кошмары

мне помогли фильмы о природе канала «Дискавери», которые мама однажды принесла домой. Слава документальным фильмам про животных! Каждый вечер мы засовывали один из них в дивиди-плеер, и я засыпал под голос какого-то англичанина, вещающего о сурикатах, или коалах, или медузах.

В конце концов я избавился от кошмаров. Вернулась обычная жизнь. Но время от времени случалось то, что мама назвала бы «небольшими рецидивами». Например, теперь я люблю «Звездные войны», но в самый первый раз, когда я увидел «Звездные войны. Эпизод II» – мне было восемь, и я праздновал чей-то день рождения на пижамной вечеринке, – мне пришлось написать маме эсэмэску, чтобы она приехала и забрала меня, потому что я никак не мог заснуть: как только я закрывал глаза, тут же видел лицо Дарта Сидиуса. После этого мне пришлось недели три медитировать по вечерам на фильмы о природе, и только потом рецидив закончился (и еще примерно год я не ночевал у друзей). Потом, когда мне было девять, я впервые посмотрел «Властелин колец. Две башни», и со мной случилось ровно то же, хотя на этот раз мне потребовалась всего лишь неделя, чтобы выкинуть Голлума из головы. Зато, когда мне исполнилось десять, все эти кошмары испарились. Исчез даже страх увидеть кошмар. Например, раньше, если бы я был дома у Генри и он бы сказал: «Давай посмотрим ужасы», – я в первую очередь подумал бы: «О нет, ночью я могу увидеть кошмар!» Теперь моей первой реакцией было бы: «Класс! Где попкорн?» Наконец-то я приходил в нормальное состояние и снова мог смотреть любые фильмы. Даже про зомби-апокалипсис – ничто меня не выбивало из колеи. Жуткие сны остались в прошлом.

По крайней мере, я в это верил.

Но после того как я встретил Ави Пулмана, той же ночью кошмары вернулись. Я не мог в это поверить. Не просто неприятные сны, а полноценные кошмары, от которых сердце колотится и ты просыпаешься с криками; кошмары, которые я видел, когда был маленьким. Только теперь-то я уже не был маленьким.

Я был в пятом классе! Мне было одиннадцать лет! И я не рассчитывал, что это еще когда-нибудь со мной случится!

Но вот я – снова – сижу перед экраном с фильмами о природе, которые помогают мне заснуть.

Фотография класса

Я и раньше пытался объяснить маме, как выглядит Ави, но до нее дошло, только когда нам пришли по почте школьные фотографии. До того времени она по-настоящему его не видела. В день Фестиваля благодарения она уезжала в командировку и не приходила в школу. В день Египетского музея Ави был мумией и замотал свое лицо бинтами. Концертов в школе пока никаких не проводили. Так что впервые мама увидела Ави и *наконец* начала понимать, почему ко мне вернулись кошмары, после того как открыла большой конверт и достала из него фотографию нашего класса.

На самом деле это было даже забавно. Я могу точно сказать, когда она его заметила, потому что я за ней наблюдал. Сначала она радостно надрезала конверт специальным ножиком. Потом вынула мой портрет. И прижала руку к груди.

– О-о-о, Джулиан, какой ты тут красивый! – сказала она. – Как хорошо, что ты надел галстук, который тебе прислала бабушка.

Я сидел за столом на кухне, ел мороженое, улыбался и кивал.

Потом она вынула из конверта фотографию класса. В младшей школе делают снимок каждого класса со своим учителем, но в средней школе фотографируют скопом всю параллель. Так что на фотографии были шестьдесят пятиклассников, запечатленных перед входом в школу. По пятнадцать в ряду. Четыре ряда. Я был в заднем, между Амосом и Генри.

Мама смотрела на фотографию с улыбкой на лице.

– А, вот ты где! – сказала она, когда меня нашла.

Довольная, она продолжала рассматривать фотографию.

– О боже, как вымахал Майлз! А это Генри? Кажется, у него уже усы начинают расти! А кто...

И тут она замолчала. Улыбка на лице застыла на секунду или две, а потом лицо медленно превратилось в маску ужаса.

Она опустила фотографию и теперь пялилась в пустоту. Потом она снова посмотрела на фото-графию.

А потом на меня. Она не улыбалась.

– Это мальчик, о котором ты рассказывал? – спросила она. Голос у нее теперь был совершенно другой, не такой, как несколько мгновений назад.

– Я же тебе говорил, – ответил я.

Она опять поглядела на снимок.

– Это не просто волчья пасть.

– Никто никогда и не говорил, что это волчья пасть. Мистер Попкинс такого не говорил.

– Нет, говорил. Когда звонил мне по телефону.

– Нет, мам. Он сказал «проблемы с лицом», и ты просто сама решила, что он имел в виду волчью пасть. А на самом деле он никогда и не говорил «волчья пасть».

– Могу поклясться, что он сказал, что у мальчика волчья пасть, – ответила она. – Но это намного хуже. – Она действительно была потрясена. И не могла отвести глаз от фотографии. – А чем именно он болен? Он отстаёт в развитии? Выглядит так, что вполне может отставать.

– Не думаю, – пожал я плечами.

– Он нормально разговаривает?

– Ну, мямлит немного, – ответил я. – Иногда его трудно понять.

Мама положила фотографию на стол и села. Забарабанила пальцами по столу.

– Никак не пойму, кто его мама... В школе в этом году столько новых родителей; ума не приложу, кто это может быть. Блондинка?

– Нет, у нее темные волосы, – сказал я. – Мы иногда встречаем ее перед школой.

– Она выглядит... как ее сын?

– О нет, совсем нет. – Я сел рядом с мамой и взял фотографию, сощурившись, чтобы не видеть слишком четко. Ави стоял в первом ряду слева. – Я же тебе говорил. Говорил, а ты мне не верила.

– Дело не в том, что я тебе не верила, – защищалась она. – Я просто, как бы это сказать... удивлена. Я не осознавала, что все так плохо. О, думаю, я поняла, кто его мама. Очень красивая, внешность немного экзотичная, темные волнистые волосы?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Мама как мама.

– Думаю, это она, да, – кивала мама сама себе. – Я видела ее на встрече родителей. И муж у нее красивый.

– Понятия не имею. – Я помотал головой.

– Бедняги! – Она прижала руки к груди.

– Теперь-то ты понимаешь, почему у меня снова кошмары? – спросил я.

Она погладила меня по голове.

– Что, ты до сих пор видишь кошмары?

– Да. Не каждую ночь, как в первый месяц школы, но да, вижу! – я бросил фотографию на стол. – Зачем он вообще пришел в нашу школу? – И добавил громко: – И, кстати, даже не думай ставить эту фотографию в мой школьный альбом. Сожги ее или еще что-нибудь сделай.

– Джулиан, – сказала она.

И тут, ни с того ни с сего, я расплакался.

– Дорогой мой! – Мама опешила. Она меня обняла.

– Ничего не могу с этим поделать, – признался я сквозь слезы. – Почему, почему я должен видеть его каждый день?!

А ночью мне приснился тот самый кошмар, который я видел с начала учебного года. Я иду по главному коридору, все дети у шкафчиков прячутся на меня и перешептываются, когда я прохожу мимо. Я поднимаюсь по лестнице, захожу в туалет и смотрю в зеркало. Но в своем отражении я вижу не себя. Я вижу Ави. И тут я кричу.

«Фотошоп»

Следующим утром я подслушал разговор мамы и папы. Они собирались на работу, а я одевался в школу.

– Им нужно было лучше подготовить детей, – говорила мама папе. – Школа должна была прислать всем письмо или что-то вроде этого, не знаю.

– Да брось, – ответил папа. – Письмо о чем? Что они написали бы? В ваш класс придет некрасивый ребенок? Глупости.

– Он не просто некрасивый.

– Давай не будем делать из мухи слона, Мелисса.

– Ты его не видел, Жюль. Там правда тяжелый случай. Надо было предупредить всех родителей. Надо было предупредить меня! Особенно учитывая, что у Джулиана проблемы с тревожностью.

– Проблемы с тревожностью?! – завопил я из своей комнаты. Потом влетел в их спальню. – Думаешь, у меня проблемы с тревожностью?

– Нет, Джулиан, – сказал папа. – Никто этого не говорит.

– Да вот мама только что говорила! – Я показал на маму. – Я сам слышал! Вы что, ребята, думаете, я псих ненормальный?

– Нет! – ответили они хором.

– И только потому, что мне снятся кошмары?

– Нет! – прокричали они.

– Я не виноват, что он ходит в мою школу! – продолжал я. – Я не виноват, что его лицо приводит меня в ужас!

– Конечно нет, дорогой, – сказала мама. – Никто этого и не говорит. Я просто считаю, что школа должна была меня предупредить, особенно учитывая историю с твоими кошмарами. Тогда я хотя бы лучше понимала, что с тобой происходит. Знала бы, что вызвало твои страхи.

Я сел на краешек их кровати. Папа держал в руках фотографию класса, он, очевидно, только что ее рассматривал.

– Надеюсь, ты собираешься ее сжечь, – сказал я. И я не шутил.

– Нет, дорогой. – Мама присела рядом. – Нам ничего не придется сжигать. Посмотри, что я сделала.

Она взяла другую фотографию с тумбочки и протянула мне. Сначала я подумал, что это просто еще один экземпляр снимка класса, потому что он был точно такого же размера, как и тот, что держал в руках папа, и все на нем было в точности такое же. Я отвернулся с отвращением, но тут мама показала мне на первый ряд – на место, где раньше был Ави! Только теперь его на фотографии не было.

Я глазам своим не верил! От него не осталось и следа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.